

ԳՐԱԴԱՐԱՆԱԹՅՈՒՆ ՐԵՇԵՆՅՈՒՆ

Լ.Մ. Ա. ԳՐԱԴԱՐԱՆ, Մխիթար Դոդի «Դատաստանագրի» բանասիրական հեղինակություն. *Երևանի համալսարանի հրատ.*, Երևան, 1987, 255 էջ:

Յմ. Ա. ՍԻՎԱԶՅԱՆ. *Филологический анализ «Судебника» Мхитара Гоша.* Изд-во Ереванского университета, Ереван, 1987, 255 с.

Знакомство с книгой арменоведа-медиевиста Эм. А. Пивазяна на первый взгляд способно вызвать у читателя некоторое недоумение: он ведь помнит, что этот трактат крупного армянского правоведа, баспописна, теолога и толковника XII—XIII вв. Мхитара Гоша выдержал отменное научное издание более ста лет тому назад—в 1880 г., подготовленное и прокомментированное В. Бастамянцем—авторитетным знатоком древнеармянского языка, отличным текстологом и компетентным литератором-правоведом. С этого издания осуществлен русский перевод памятника, а в 1975 г. Институт древних рукописей им. Маштоца—Матенадаран вновь издал, согласно титульному листу, «сводный критический текст» «Судебника» с пространным предисловием и комментариями. Даже неискушенный читатель памятников средневековой армянской литературы вправе полагать, что этим двум изданиям древнеармянского оригинала и русскому переводу предшествовало надлежащее и обстоятельное филологическое исследование текста, а следовательно, наиболее кардинальные вопросы, связанные с этим памятником, должно быть, уже решены, тем более что последнее издание классифицировано как «сводно-критическое». Выясняется, однако, что нынешнее поколение арменоведов не вполне представляло суть сложности подлежащей работы, в чем дальше отходило от принципов и методики В. Бастамянца, тем больше усложняло проблему, открывая возможности для текстологических домыслов, хронологических нестыковок и редакционных варьирований. Нельзя сказать, что в академической

печати не было попыток указать на неправомерность применяемой методики, но, увы, вопреки здравому смыслу, капризы и амбициозно-субъективистские соображения взяли верх, и специально не занимающемуся этим памятником арменоведу-кавказоведу трудно сориентироваться, какое из двух изданий является подлинным сочинением самого Гоша, когда именно оно составлено, в чем суть имеющихся редакций, в какой среде они возникли, какова их источниковая база и т. д. Эм. А. Пивазян задался целью выяснить и решить как эти вопросы, так и ряд других смежных историко-литературных и текстологических проблем из истории армянской литературы XII—XIII веков.

Рецензируемая книга посвящена суммированию результатов многолетней исследовательской работы, и «филологическим анализом» она названа не случайно.

Эм. А. Пивазян не располагает каким-либо нововывявленным цельным источником, поэтому при критике текста «Судебника» опирается на уже известные кодексы сочинения. Сличение реальных четырех основных хронологически наиболее ранних рукописей выяснило, что все они восходят к одному и тому же протографу, в котором, как это удалось установить нашему исследователю, уже имелись текстологические искажения, т. е. ни одна из этих рукописей не является точной копией автографа Мхитара Гоша. В подобных обстоятельствах критика текста может опираться только на скрупулезный комплексный анализ имеющихся расхождений на разных уровнях. Эм. Пивазяна роднит с В. Бастамянцем

прежде всего искусство в понимании тонкостей древнеармянского языка. Лексический, грамматический и источниковедческий анализ т. н. «Посвящения» «Судебника» приводит его к заключению, что оно существенно разнится с колофоном «Вступления», а следовательно, не принадлежит перу Мхитара Гоша. Отрицание аутентичности «Посвящения» становится отправной точкой при установлении хронологии составления «Судебника». Выясняется, что опирающаяся на данные Бзмарского кодекса датировка памятника 1184 годом нереальна, ибо это год начала работы автора, а не ее завершения. И действительно, Эм. Пивазян в самом «Судебнике» выписывает немало убедительных откликов на политические события, происходившие после указанного 1184 года, в частности—сама идея восстановления армянского централизованного царства воплотилась в реальную политику при воеводах Захарэ и Иванэ, а их фактическая деятельность начинается позже этой даты. Концепция и определения функции царской власти в «Судебнике» могли быть наделены политическим содержанием не раньше освобождения г. Ани—столицы Багратидов в 1199 г. Эм. Пивазян не манипулирует оторванными от контекста цитатами, а выписывает в саму суть побуждений и идей средневекового автора, подкрепляя свое заключение и т. н. внешними данными—прежде всего текстологического и филологического характера. Примечателен, к примеру, следующий факт. Н. Я. Марр всерьез сомневался в принадлежности басен перу Мхитара Гоша, Н. Акинян же находил основание, чтобы не идентифицировать Мхитара Гоша с составителем «Судебника» Мхитаром. Не считаться с положениями этих двух крупных исследователей никак нельзя, и Эм. Пивазян взялся за выяснение этих вопросов, хотя и, исходя из своей непосредственной проблематики, мог обойти их, как это временами делалось. Он указал на наличие не только концептуальных, но и текстологических общностей между баснями-притчами и «Судебником» и убедительно доказал их принадлежность к одному и тому же автору—Мхитару Гошу. Иной раз вопрос такого охвата мог стать предметом специальной монографии, но Пи-

взян-исследователь принципиальный сторонник сжатого, насыщенного филологическим фактическим материалом изложения. И этот достойный подражания принцип им исчерпывающе реализован в рецензируемой книге.

Следующий не менее сложный вопрос—установление источников «Судебника». Мхитар Гош, правда, их называет в достаточном количестве (библейские книги, армянская «Книга канонов», т. н. «обычное право», каноны и нормы иных народов—мусульманских в том числе), но далеко не все. Армянстами установлено, что автор «Судебника» пользуется и канонами своего предшественника—Давида сына Алазника. Эм. Пивазян подкрепляет это источниковедческое заключение новыми наблюдениями и тут же приступает к выяснению более актуальной проблемы—какими формами и методами пользуется Мхитар Гош при заимствовании того или другого пассажа. В отличие от многих других средневековых авторов, Гош, оказывается, придерживается принципа дословного цитирования, и если у него появляются вставки и коррективы, то они продиктованы конкретными задачами «Судебника» и нормами его эпохи. Приводимые Эм. Пивазяном доказательства убедительны, как и достоверны сделанные им обобщающие теоретические положения.

Уже несколько десятилетий в кругах армянистов дискутируются вопросы авторской редакции, хронологии и первопричины появления новых изводов. Наиболее существенное отличие между двумя основными редакциями заключается в последовательности расположения канонов. В одной из них каноны мирские (светские) и церковные представлены в едином изложении, в другой же разделены и пронумерованы самостоятельно. В. Базамян авторской считал вторую редакцию, и сводный текст им составлен на этой основе, в новом же издании предпочтена первая, что в едином изложении и нумерации (в нем редакции представлены отдельно, поэтому совершенно непонятно, на каком основании издание названо «сводно-критическим»). Нужно было исключить предвзятость и компетентным филологическим анализом разобраться в сути имеющихся межредакционных раз-

личии. Профессиональное восторжение Эм. Пивазяна тут оказалось весьма кстати, и он окончательно установил первичность т. н. второй редакции, т. е. подтвердил правильность заключения и текстологического принципа В. Бастамяна, обстоятельно разъяснив время и характер послесловных обработок и изменений. Успеха он добился не только благодаря адекватному толкованию разночтений, но и привлечением других трактатов Мхитара Гоша, не учтенных предыдущими исследователями. В частности, тут речь идет о трактате «Послание», написанном в 1205/6 г. и адресованном братьям Захаря и Ивану и грузинскому духовенству. Вероисповедческие и концептуальные особенности мировоззрения Гоша оказались одинаково реализованными и в том трактате и в т. н. «второй редакции».

К сожалению, Эм. Пивазян в этом разделе книги воздержался от выяснения вопроса, поднимаемого в последнее время искателями «албанских памятников» в древнеармянской литературе. «Судебник» Гоша составлен по поручению албанского католика Степаноса, но, разумеется, по армянским источникам, для армян (об этом говорится неоднократно) и на армянском языке. Следовало выяснить в таком случае, что понимает наш автор под «албанским» или «албанцем».

В указанном послании Мхитар Гош с разных точек зрения (конфессиональной, этнокультурной, административно-географической) перечисляет (и неоднократно) известные ему в его дни народы и народности Европы, Азии и Африки, не говоря уже о народах и племенах стран Кавказа, но албанцев он не знает, хотя родом он сам был из «Албании»—Гандзака! Это служит новым и веским доказательством давно установленного в научном кавказоведении факта о том, что этническая и культурная ассимиляция кавказских албанцев произошла задолго до Гоша—до XII века. Следовательно, тщетно и противостоительно прилагаются усилия включить Мхитара Гоша в число т. н. «албанских авторов», а его «Судебник»—в «албанскую литературу».

Монографией Эм. Пивазяна завершается важный этап в исследовании наследия одного из крупнейших авторов средневековой Армении и Востока. И очень жаль, что появление этой книги не предшествовало изданию текста «Судебника». Грядущее поколение арменоведов-кавказоведов могло бы иметь действительно «сводно-критическое» издание «Судебника». Книга Эм. А. Пивазяна существенно облегчает эту ответственную и безусловно нужную работу. В ней заложены основы научной критики текста.

П. М. МУРАДЯН